

Глава 1. Блуждающий призрак

Цзян Байлянь уже и не помнил, сколько лет он был блуждающим призраком.

С самой смерти он, подобно пушинке, скитался по миру. Не зная ни холода, ни жара, ни боли, он призрачной тенью дрейфовал долгие годы.

Сказать по правде, это было куда свободнее, чем в те времена, когда он был наложником в поместье семьи Нин.

В юности он был гером из семьи деревенского травника, что жил неподалеку от столицы префектуры. С малых лет он помогал отцу возиться с лекарственными травами. Жизнь была бедной, но спокойной.

Когда пришла пора вступать в брак, отец планировал сосватать его в одну из деревенских семей поблизости, чтобы не разлучаться с родной кровью.

Цзян Байлянь думал, что жизнь так и потечет своим чередом, без лишних волнений. Но кто же знал, что в один из дней, когда он, как обычно, отправился в город в большую аптеку продавать травы, какой-то злодей ударит его палкой по голове и похитит.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит нагим на ложе в «веселом заведении», а рядом с ним – прекрасный, словно небожитель, благородный господин с лицом белым, как нефрит.

Не успели они разобраться в ситуации, как в комнату ворвалась толпа людей и застучала их на месте. С этого момента его жизнь изменилась бесповоротно.

Спустя полмесяца паланкин доставил его в поместье семьи Нин, где даже комнаты для слуг были просторнее, чем весь его родной дом.

Односельчане, не зная правды, твердили, что ему несказанно повезло: мол, на простого деревенского гера положил глаз чиновник из знатного рода. Даже пойти к такому наложником – всё равно что увидеть, как над могилами предков поднимается благодный дым.

Поначалу Цзян Байлянь и сам думал, что в словах завистливых соседей есть доля истины. Хоть он и был наложником, семья Нин считалась одной из самых уважаемых и благородных в округе – из поколения в поколение их люди занимали государственные посты.

Молодой господин Нин был человеком строгих нравов и безупречной внешности. Даже на самой людной улице Чжуцяо нельзя было встретить мужчину, способного сравниться с ним статью.

Мало того что красавец, так еще и старший сын главной ветви клана, в юном возрасте уже ставший цзеюанем*. Все незамужние барышни и молодые геры в городе следили за ним, молясь луне о встрече, а в итоге «пирог с неба» свалился на голову такому простому геру, как он.

[*Цзеюань (胥, jìèyuán) – первый по списку сдавших экзамен на степень цзюйжэнь на провинциальном экзамене (цзюйжэнь с лучшим результатом). Цзюйжэнь (胥, jùgén) — обладатель второй степени, присуждаемой на экзамене провинциального уровня раз в три года.]

Однако, проведя в поместье Нин достаточно времени, он понял: бесплатных пирогов не бывает.

Его поселили в маленьком дворике в глубине поместья, приставив двух слуг. Правил в семье Нин было великое множество. С тех пор всё его жизненное пространство ограничилось этим крошечным двором. За весь год ему удавалось выбраться в город не чаще трех-пяти раз, а своего мужа он видел даже реже, чем выходил за ворота.

Первые два года, пока молодой господин Нин еще не взял законную жену, Цзян Байлянь был его единственным наложником.

Его муж отличался такой сдержанностью в желаниях, что походил на монаха. Поговаривали, что он не притронулся ни к одной из служанок-наложниц, приставленных семьей. Старшие в роду беспокоились, как бы молодой человек не «испортил» себя бесконечной учебой, и, видя, что под рукой есть готовый вариант, они намеревались заставить Байляня служить ему.

Но муж привел его в дом лишь из чувства долга, став жертвой заговора, и в глубине души таил обиду. Возможно, он и жалел гера – пару раз пытался завести с ним беседу, но беда в том, что деревенский маленький гер и выходец из семьи ученых в нескольких поколениях никак не могли найти общий язык.

Цзян Байлянь был необразован и не знал грамоты. Когда муж говорил «восток», он понимал «запад», и зачастую лишь наполовину осознавал смысл сказанного.

Со временем господин перестал приходить. А когда в дом вошла законная жена, он и вовсе почти перестал его видеть.

Законная жена происходила из знатного рода и отличалась спесивым нравом. Ее муж грезил великими свершениями и не был из тех, кто утопает в любовных утехах с женами и наложницами. Жене он уделял мало времени, и та, не имея возможности выплеснуть гнев на мужа, через день срывалась на наложнике.

С тех пор Цзян Байлянь и не мечтал увидеть мужа – если за весь день законная жена не находила повода для придинок, он уже считал такой день «солнечным и прекрасным».

Цзян Байлянь не знал, сколько это продолжалось. Он думал, что так и состарится в своем дворике, но в семье случилась беда.

Он помнил лишь, что в его дворе наступило долгое затишье – он даже решил, что хозяйева поместья Нин окончательно о нем забыли. Но вдруг...

Семья Нин пала.

Его мужа бросили в тюрьму.

В поместье воцарился хаос. Законная жена первой поспешила разорвать связи, швырнула письмо о разводе и сбежала, спасая себя. Слуги поважнее разворовали имущество и разлетелись кто куда – огромное поместье рухнуло в один миг.

Каждый думал только о себе, напрочь забыв о тех, кто их кормил и одевал, и кто теперь томился в императорской тюрьме.

Цзян Байлянь тоже думал о побеге. Но его отец, единственный близкий человек, уже умер. Кроме этого случайного мужа, у него никого не осталось.

Помня ту малую искру прежних чувств, он, стиснув зубы, вместе с парой верных слуг бросился обивать пороги, тратя последние деньги на подкуп, и наконец смог увидаться с мужем в тюрьме.

Тот блестящий, статный министр в одночасье стал узником. После пыток, весь в грязи и крови, услышав о переменах дома, он смотрел на мир глазами, похожими на стоячую мертвую воду.

Цзян Байлянь почувствовал укол жалости – быть может, ему стало жаль это лицо, чистое как белый нефрит.

Он осторожно обмыл его тело, уговаривая жить во что бы то ни стало, иначе у него самого не останется опоры.

Байлянь отдал все деньги, что смог собрать. За время заключения они виделись чаще, чем за все годы жизни в поместье.

Закаленный в политических бурях, его муж оказался крепок духом и смог пережить ужасы сырой темницы.

Позже император издал указ: конфисковать имущество семьи Нин, а самих их сослать на три тысячи ли на юг, в Линьнань.

Как бы то ни было, то, что человек вышел из тюрьмы, а не взошел на плаху, уже было великим счастьем.

Но старший молодой господин Нин подорвал здоровье в тюрьме. Путь в ссылку давался ему тяжело. К счастью, Цзян Байлянь немного понимал в медицине и всё время заботился о нем, не дав умереть в дороге.

Только вот Байлянь никак не ожидал, что в пути умрет он сам.

Из огромного клана Нин в ссылке осталось лишь немногим больше десяти человек, и их число постоянно таяло. Когда они, поддерживая друг друга, почти добрались до Линьнаня, случилась великая засуха. Климат там и так был суровым, а из-за засухи началась эпидемия, и Байлянь случайно заразился.

Лекарств в пути не было. Будучи наполовину лекарем, Байлянь понимал, что он «не жилец». Он отнесся к этому спокойно, лишь со вздохом глядя на старшего господина Нина, который становился всё более зависимым от него. Он не знал, сможет ли тот позаботиться о себе после его смерти.

В тот день, закончив с повседневными делами, он пораньше запер дверь комнаты, задвинул засов и подпер его тяжелыми вещами. Чем оставлять заразу другим или гнить заживо в общей могиле, он решил, что лучше уйти «чисто и достойно», предав себя огню.

Он думал, что со смертью обретет свободу: не нужно будет больше ни под кого подстраиваться, ни о ком заботиться.

Но кто же знал, что быть призраком – тоже не сахар. Его ноги не касались земли, он дрейфовал, как ряска в пруду без корней. Сильный ветер мог за ночь унести его на сотню ли, а в штиль он мог три-пять дней кружить на одном месте.

Он боролся, негодовал, но тщетно.

Прошли многие годы. Места, куда он хотел попасть, были недостижимы; люди, которых хотел увидеть, не встречались. В итоге он так и остался неприкаянной душой.

День за днем, год за годом воля его угасала. Он просто летел по ветру, и сознание его постепенно затуманивалось.

В этот день он услышал глухие всхлипы и невольно открыл глаза. Неизвестно, сколько времени прошло в тумане небытия, но его занесло обратно в тот самый город, где он провел свою юность, в какое-то поместье.

Ветер стих. Он опустился у окна и увидел мерцающую свечу в фонаре. В главной комнате стояло больше десяти человек. У кровати, скрытой занавесками, склонились люди; женщины прижимали к глазам тонкие платки, время от времени раздавались тихие рыдания.

Атмосфера в комнате была гнетущей и тяжелой.

Байлянь уходил из жизни в тишине и одиночестве, но подобные сцены прощания он видел много раз за годы своего призрачного существования. Рождение, старость, болезни, смерть – ничего нового.

Бросив беглый взгляд, он собрался было вернуться к окну, чтобы лететь дальше по ветру, – раз уж он вернулся в город, хотелось посмотреть побольше.

Но именно этот взгляд заставил его замереть. Старик на кровати показался ему очень знакомым. Пользуясь безветрием, он вплыл в комнату. Чем ближе он подходил к краю кровати, тем сильнее, казалось, колотилось его призрачное сердце.

Лежащий на постели старец был на пороге смерти. В преклонном возрасте кожа обтянула кости, бывшего юношеского облика не осталось, но по четким очертаниям костей всё еще можно было угадать величие его красоты в молодости.

У Байляня перехватило дыхание. Даже если кожа да кости, он с одного взгляда узнал этого человека.

Он широко раскрыл глаза, всматриваясь в лежащего, затем оглянулся на рыдающих в комнате людей – старых и малых – и тихо фыркнул: «Ах ты, бессовестный! Дожил до таких лет – вот уж повезло, так еще и целым домом детей и внуков обзавелся!»

Внезапно в затуманенных глазах умирающего старика вспыхнул свет. Он уставился прямо туда, где стоял Байлянь, – словно не чаял радости от долгожданной встречи. Его глаза медленно увлажнились, и из этого высохшего колодца потекли слезы.

Байлянь опешил. Ему показалось, что старик действительно видит его.

Он открыл рот, но не знал, что сказать. Тот тоже шевельнул губами – казалось, у него есть тысячи слов, но то ли сил не осталось, то ли горло перехватило от слез.

Так они и смотрели друг на друга, не проронив ни слова.

Внезапно налетел резкий порыв ветра, и Байляня снова потянуло вверх. Улетая, он услышал крик: «Старый господин ушел!», за которым последовал горький плач, переходящий в рыдания.

Сердце Байляня внезапно пронзила непонятная боль. Он изо всех сил старался не закрывать глаза, желая увидеть, вылетит ли душа того человека следом.

Но ветер сегодня был слишком сильным. Байлянь не мог открыть глаз, чувствуя, как его нещадно тянет и выкручивает, словно старый дом в огне – с треском и грохотом... Тело пронзила раздирающая боль.

Байлянь ужаснулся. Он же блуждающий призрак, откуда взяться боли?

Даже если это воображаемая боль, за десятки лет он напрочь забыл, что это за чувство. Откуда оно взялось сейчас, такое реальное?

Цзян Байлянь резко открыл глаза. Белый свет ударил по ним, и он подсознательно вскинул руку, защищаясь.

В ту же секунду он почувствовал холод в верхней части тела. Опустив взгляд, он обнаружил, что одеяло, небрежно брошенное на грудь, из-за его резкого движения соскользнуло к пояснице. Он был абсолютно голым!

В ужасе он схватил одеяло, чтобы прикрыться, но стоило ему потянуть ткань на себя, как рядом обнаружился еще один человек с голыми плечами.

— А-а-а! — вскрикнул Цзян Байлянь и от испуга лягнул того, кто был рядом.

Человек рядом глухо охнул и медленно приподнялся.

—

<http://bllate.org/book/15039/1329131>